* * *

Его вещи пахнут телом и табаком,
они словно память, оставленная на потом,
когда всё отболит, когда холм под его крестом
перестанет быть моим личным адом.

Говори со мною, как хочешь, из-под земли,
нас с тобою хотели разъять, но не развели
по углам, а давай, как раньше, я тебе: «Отомри!»
И пойдём по улице за яблочным лимонадом.

А вокруг сиреневый цвет и цветёт сирень,
и у нас одна на двоих на асфальте тень.
Тот, кто помнит, счастлив, болтлив, блажен.
Хохочи же со мной во всё горло рядом.

Пустота внутри, словно маятник сбавил ход,
и мне страшно, что это когда-нибудь вдруг пройдёт,
и я стану одной из фальшиво мнущих платок сирот
с равнодушным стеклянным взглядом.

* * *

Мы уходим в осень и в комендантский час,
в бесконечные стрельбы, в длинные разговоры.
Мы уходим в беззвучный – одними губами – джаз.
Мы уходим в город.
Оставляем на память море и камешек на груди,
мой куриный бог пахнет солнцем и крепким чаем,
осень медленно листья скручивает, словно на бигуди,
на ветру качает.

Этот милый посёлок, где простыни во дворах,
белоснежные простыни, деревянные от крахмала.
Эти спелые сочные фрукты до оскомины на зубах,
аромат сандала.
И сандаловый цвет во всю кожу в рассоле дней,
и сандалий рыжих истёртые поворозки.
Мы уходим в город, который всего важней,
его улицы, перекрёстки.
Его жёлтые скверы, бульвары, солнечные лучи,
сентябрит здесь мягко, щадяще, нежно.
Мы уходим в ещё одну осень, звенят ключи
от города между.
Между небом – высоким пронзительным голубым –
и асфальтом, брусчаткой, травушкой, чернозёмом
есть одно лишь счастье прижаться плечом к живым
и сказать: «Я дома!»

* * *

Кто читает все эти чёртовы сводки?
Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.
Наша лампа-лампочка, наша маленькая лампада,
жёлтая, жуткая, внутриматочная спираль мира.
Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего взгляда,
помолчим, Мария, здесь каждое слово – гиря.
Наш подвал укромен, четыре стены и стулья,
а ещё эти полки с помидорами-огурцами.
Нас подвал уменьшает, съёживает, сутулит,
мы становимся даже не сёстрами – близнецами.
А на завтра сводки, от которых мне сводит душу,
а на завтра снова учиться ходить по краю.
Мы идём по улице – два морячка по суше,
мы с тобою ещё ни разу не умирали.

Реквием

Как уходят герои? Молча.
Растеряв все рефлексы волчьи.
Вместо слёз для них море горечи,
вместо роз для них залп тройной

холостыми, и серый в штатском
что-то скажет нам о солдатской,
о судьбе двух народов братских,
пофлиртует с седой вдовой.

А над кладбищем, там, где дымка,
реют ангелы-невидимки,
их не видно на фотоснимках,
но ты слышишь шуршанье крыл.

Это ветер в густых берёзах
прячет наши с тобою слёзы.
Наша жизнь – череда наркозов
да расплёскивающихся чернил.

Развяжи мои губы словом,
я парю над изрытым полем,
я привык, что тобою болен,
я привык уже умирать.

Я лечу, и мне светят звёзды,
и рябины алеют гроздья,
и вся жизнь теперь то, что поздно,
то, что вряд ли воротишь вспять.

* * *

А в Донецке снова гудит земля,
словно в худшие времена,
только мама считает, что худшее впереди.
Дом – четыре стены, но одна стена
говорит: «Беги!»
Моя мама устала бояться
и устала вот так стоять,
словно вкопанная в беду.
Если вспять пространство
и время вспять,
то не смей подходить к окну.
Это зарево сызнова – не заря,
это зарево – зуб за зуб.
Моя мама, ни слова не говоря,
унимает дрожь, усмиряет зуд.
Ей давно не страшно, она кремень,
серый памятник площадной.
Мама точно знает, она – мишень.
Или кто-то из нас с тобой.

* * *

Иногда пространство не выдерживает и рвётся,
обнажая слои и заброшенные колодцы
посреди дворов, где сирень и яблони,
где высокий ты остаёшься маленьким…
Навсегда. Там пахнет книгами и прочитанным,
пахнет крепко, вышколенно, мучительно.
Стой под яблоней и гляди на решётки в окнах,
стой, покуда в горле не станет сохнуть…
Слово за слово, мы вернёмся, на кальке детства
абрис каждого обрисован, кто по соседству
заливался смехом, судачил, бельё вывешивал.
Твоя мама смотрела сны зачастую вещие.

Иногда в рулетке времени и пространства
вдруг случается сбой, как на той подстанции,
по которой ты узнаешь дорогое место, –
красный дом внутри прожитóго детства.
Узкий вход в подъезд, беседка и сизый тополь.
Он всегда был здесь, и всегда галопом
вы носились по двору – оголтелые!
А теперь ты впаян в иное тело,
оно жёстче, суше, что, впрочем, кажется.
«Я читаю души…» – «Прочти, пожалуйста!» –
ты стоишь навытяжку, просишь взглядом.
И я вижу небо!.. Его громада,
если черпать, так же неисчерпаема,
как и эта горловская окраина.

* * *

На небе ночь погонная ясная
отражается в реке звёздами.
И одна из этих звёзд красная,
остальные пахнут соком берёзовым.
Звёзды тихо колышет реченька,
травы ластятся по-звериному,
ни души вокруг, ни человечка,
лишь деревья руками длинными
на ветру шелестят – акации.
Эта вольница – степь военная.
Из карманной радиостанции
разговаривает вселенная –
утончённая, гумилёвская,
широченною кистью писана.
Эта вольница – степь монгольская,
так шелка расшивают бисером,
как ты буквы в слова, что бусинки,
как ты словом, как будто выстрелом.
И слова твои слишком русские,
и слова твои слишком чистые.
Ручеёк так руками черпают –
прозорливость воды нехоженной –
как с тобой мы врастаем нервами
в эти чистые подорожники.
И врачуют они нас ласково
под распахнутым небом звёздным.
И одна из этих звёзд красная,
остальные пахнут соком берёзовым.